

РАССКАЗ СТАРОГО СИДУРА

Адаптация рассказа из книги Германа Шваба «Мечтания детства» («Dreams of Childhood»), опубликованной издательством Анскомб, Лондон.

(Самой книги в настоящее время в продаже нет.)

— Мама, смотри, какой старый Сидур! — сказал маленький Биньямин. — Он такой пыльный и рваный. Я осматривал наш новый дом и нашел его в куче хлама на чердаке.

— Поцелуй его, — ответила мать. — Когда у тебя что-то болит, я всегда целую то место, чтобы стало лучше. Этому бедному Сидуру, похоже, тоже больно. Поцелуй и его, чтобы ему стало лучше.

Биньямин поцеловал старый молитвенник и продолжил стоять, с нежностью глядя на эту хрупкую книгу. А затем, потихоньку, старые, рваные страницы зашелестели, и звуки начали складываться в слова. Это был такой мягкий голос, такой старый и усталый, что вначале его едва было слышно. Но затем он стал более громким и отчетливым. Он был похож на голос человека, которого долго держали взаперти и не давали говорить, а после этого ему повстречался приятный собеседник, которому он, наконец, может поведать о своем одиночестве, своих страданиях и своей жизни.

«Милый мальчик! — говорил он. — Долгие годы лежал я на чердаке, всеми брошенный и забытый. Если бы ты меня не нашел, я, может быть, уже никогда бы не увидел света божьего. А мне так хотелось солнца и неба, и блестящих детских глаз. Ты взял меня с чердака и бережно взял в руки. Ты меня поцеловал, хоть я и старый, и изношенный, и рваный. Ты спросил, чей я. Так я поведаю тебе свою историю.

Я сошел с печатного станка, должно быть, более семидесяти лет назад. Я чувствовал себя здорово. Я был таким красивым. Мой шрифт был таким четким и ярким, и так выделялся на фоне белой, как снег, бумаги. У меня был темно-красный вельветовый переплет с посеребренными краями. Все книги в типографии завидовали моему наряду. Много там было разных книг, больших и маленьких, были и огромные тома, перед которыми мы все трепетали. Они были не только большими, но и мудрыми. Они редко с нами разговаривали, но мы были рады, что находимся рядом с ними.

Там я долго не остался. Через несколько дней пришел приятный молодой человек и купил меня. Он подарил меня своей невесте, красивой голубоглазой девушке. Она поблагодарила его за подарок и долго стояла, восхищаясь моим переплетом и

РАССКАЗ СТАРОГО СИДУРА

серебристыми краями, и ясным шрифтом. Ее лицо отражалось в моих серебристых краях, но она на отражение не смотрела.

Свадьба состоялась на следующую неделю, и перед ней невеста прочитала свои молитвы по моим страницам. Она молилась страстно и вдохновенно, и с полными слез глазами. Я был с ней под Хупой, а за праздничной трапезой я видел и слышал все. Никогда не забуду тот день. Была музыка и речи, и в зале было так светло. Гости выпивали за здоровье молодоженов, и бокалы звенели, как колокола.

Потом меня упаковали в темный ящик, и когда снова вынули, то я оказался в большой и красивой комнате. Меня положили на полку в добротном шкафу, на почетное место, и когда приходили гости, меня всем показывали, и все выказывали восхищение. Моя молодая хозяйка молилась по мне три раза в день, и вскоре я уже знал заранее, на каком месте она хотела меня открыть, и открывался на нем сам. Это ей нравилось.

Прошло время, и в один прекрасный день в доме наступило оживление. Родился мальчик. Он вырос, и я видел, как он учился ходить и говорить. На моих глазах он смеялся, бегал и играл. Он принес родителям много радости. Когда ему было шесть лет, он начал читать. Сначала медленно, но скоро буквы стали словами, а слова — предложениями, и в конце концов у него пошло. За ним последовали еще два мальчика и девочка. Они весело бегали по дому и играли в свои игры. Они были хорошими детьми. Но я мало с ними соприкасался. С годами мой красивый переплет стал изнашиваться, и их мать хотела меня уберечь. Им не разрешалось меня трогать, и моя жизнь была тихой, как у пенсионера. Должен сказать, что меня это не радовало. Я часто думал о том, что у других Сидуров есть друзья и товарищи, а я жил один, как все, кто считают себя выше других — или кого другие считают таковым. Временами я завидовал своим более скромным собратьям. Их брали в школу и в синагогу. Они познавали мир и людей. А я всегда должен был оставаться дома.

Но с другой стороны, я был рад, что моя хозяйка любила и берегла меня, и доверяла мне свои сокровенные мысли. На обороте моего титульного листа она записывала, что ей в жизни было больше всего важно. Она записала дату своей свадьбы и свадеб своих братьев и сестер, даты рождений своих детей и тому подобную информацию.

Так я и оставался в своем шкафу, пока в моей скудной событиями жизни вдруг не произошла страшная перемена. Меня отправили к переплетчику для обновления. Меня понес к нему по городским улицам маленький Шимон, самый младший мальчик.

Переплетчик со мной не церемонился. Я не привык к такому крутому обращению. Он оторвал мой вельветовый переплет с серебристыми краями и титульным листом. Затем он намазал меня всего противным и пахучим клеем, и положил высыхать под пресс. Под этим прессом мне было больно. Эта попытка продолжалась целый день и целую ночь, и только потом переплетчик освободил меня от этих страданий.

РАССКАЗ СТАРОГО СИДУРА

И представь себе мой ужас, когда, вместо того, чтобы вернуть мне мой вельветовый переплет с серебристыми краями и мой собственный титульный лист, он вложил меня в обычный картонный переплет. В знак протеста я зашелестел страницами. Несколько раз я выпрыгнул у него из рук. Но бесполезно. Он снова положил меня под пресс, под которым я не мог пошевелиться. Мне пришлось там лежать и видеть, как в мой вельветовый переплет вложили другой Сидур. Никогда не думал, что жизнь может быть такой жестокой. Но я ничего не мог поделать.

Через несколько дней Шимон пришел, чтобы меня забрать. Переплетчик дал ему тот, другой Сидур с моим переплетом. Я пытался привлечь к себе внимание. Я с гневом прыгнул на пол.

— Смотрите, — сказал Шимон, — Сидур упал на пол. — и он наклонился, поднял меня и поцеловал. Милый Шимон! Я очень любил этого мальчика. Его поцелуй был целительным. Но я знал, что это был прощальный поцелуй, и что больше я никогда его не увижу.

На много недель остался я на полке в магазине переплетчика, и у меня было достаточно времени для того, чтобы передумать обо всем, что со мной произошло. Я понял, что был гордецом и зазнайкой. Я слишком много возомнил о своем красивом наряде. Мне не пришло в голову, что одежда — это только наружность и обложка, и что другие книги, одетые даже в простую обложку, могут быть полны добра и красоты.

Когда я это понял, то перестал сокрушаться о своем утерянном великолепии. Я был рад, что попал в магазин переплетчика, и поклялся, что больше никогда не буду так по-глупому гордиться и задирать нос.

Однажды в магазин зашел мелкий уличный торговец и купил меня за пару грошей. Мой новый хозяин был бедняк. Всю неделю он проводил в дороге, пытаясь торговать своими товарами, и проводил дома только Шаббат.

Он ходил по разным деревням. В палящее солнце, и когда все было в снегу, и под проливным дождем он всегда весело шел в путь. Я лежал на самом верху его котомки, под его рукой. Мне было его жаль, потому что он стал сгорбленным, таская свою тяжелую ношу.

У бедного торговца была нелегкая жизнь. Много раз я стал свидетелем унижений, которые ему приходилось сносить. Когда он шел по улице, я слышал, как ему вслед кричали: «Жид!» Но он не унывал. Для него это слово было почетным титулом. Он гордился историей еврейского народа.

Я многому научился в наших скитаниях по свету, познал мир и людей. Я видел много интересного. Я бывал в обществе хороших и плохих людей. Слышал речи мудрых

РАССКАЗ СТАРОГО СИДУРА

людей и глупцов. Я люблю вспоминать о тех годах, проведенных в скитаниях со своим хозяином, хотя в той жизни было много трудностей и бед.

В каждую пятницу вечером мой хозяин возвращался домой, и я видел его жену и детей. То был простой и маленький дом, но я никогда не забуду те пятничные вечера, особенно зимой. Стол был накрыт чистой, белой скатертью. Она не была из тонкой ткани, но она так сияла белизной, что почти отражала лампу на семь свечей, свисавшую с низкого потолка. На стене тихо тикали старые часы. В камине горел огонек, а окна были разукрашены морозными узорами. Вся маленькая комнатка была наполнена счастьем и умиротворением, и такое же умиротворение было в глазах коробейника с женой. Во время их скромной трапезы один из детей открывал меня, и все они пели Змирот в честь Шаббата. Ибо Шаббат — друг человека, который приходит без приглашения и приносит радость, и отгоняет горе и печаль. Замечательные песни слушал я в те пятничные вечера. Взрослые голоса родителей соединялись с тонкими трелями детей. Иногда один голосок забирал слишком высоко или пел фальшиво, или не попадал в ритм. Но в их пении было столько радости, столько любви и веры в Б-га, и Шаббатного умиротворения, и все это придавало тому немелодичному пению свою особую гармонию».

Старый Сидур приостановился, — в связи с этими воспоминаниями на него нахлынули эмоции, и его страницы издали мягкий вздох. И он продолжил:

«С коробейником я провел, наверное, несколько лет. Затем в моей жизни произошла следующая перемена. Была глубокая зима, поздний вечер. Мы прибыли на постоялый двор. Несмотря на поздний час, там все еще было шумно, ибо туда прибыло много таких, как мы, укрываясь от ветра и холода.

Первым делом, как всегда, мой хозяин помолился Маарив, вечернюю молитву.

Только на этот раз, закончив молиться, вместо того, чтобы положить меня обратно в котомку, он оставил меня на скамейке, пока ел свой скудный ужин. Когда на следующее утро он встал, было еще темно, и он меня не заметил. В тусклом свете керосиновой лампы я видел, как он нагибался, чтобы поднять свою ношу, и как протянул мозолистую руку, чтобы дотронуться до Мезузы на выходе. Дверь за ним закрылась, и я услышал его шаги по выпавшему снегу. Он ушел.

Так я потерял своего второго хозяина. В молодом возрасте я бы начал волноваться. Но теперь жизнь меня сделала терпеливым и покорным. И я продолжил лежать там тихо, ожидая рассвета и своей дальнейшей участи.

Наутро все снова бурлило — все остановившиеся на ночь теперь брали свои пожитки и вновь отправлялись в путь. Только один человек, казалось, никуда не торопился. Он медленно ходил взад-вперед по комнате и заметил меня на скамейке.

РАССКАЗ СТАРОГО СИДУРА

Он спросил хозяина постоянного двора, и тот сказал ему, что я не отсюда, и что если никто за мной не придет, то он сможет оставить его себе. Я остался там еще на два дня, и, поскольку мой хозяин за мной не вернулся, тот, кто меня нашел, наконец, положил меня в карман своего пальто и взял к себе домой.

Там он дал меня своему маленькому сыну, которому было около шести лет. Тот взял меня в школу, где научился по мне читать и переводить с еврейского языка. Так, в моем-то возрасте, я пошел в школу! Класс был довольно просторным. Дети сидели на низких скамейках, а учитель на приподнятой платформе. Он был молодежлив, весьма по-дружески обращался с детьми, и они его обожали.

Маленький Ицхак, сын моего нового хозяина, был прилежный ученик. Он не довольствовался тем, чему учили в школе. Он заново повторял уроки дома, и на следующий день учитель мог быть уверен, что он их знает наизусть. Меня радовало его рвение в учебе. Но я также весьма беспокоился о том, что был уже не молод и не выдерживал такого интенсивного пользования. Некоторые мои страницы начали выпадать. Однажды отец Ицхака это заметил и дал ему другой Сидур. А мои выпавшие страницы он приклеил обратно и взял меня в синагогу. Там он оставил меня вместе с другими Сидурами и Махзорами в ящике при своем месте. И там я провел несколько лет.

Мой хозяин приходил в синагогу не каждый день. Всю неделю он был в разъездах, и меня вынимал только в пятницу вечером и в Шаббат. Я быстро заметил, что он молился без вдохновения, не сердцем, а только устами, и это меня огорчало. Ибо я знал, что в Сидуре можно найти подходящие слова для выражения любых чувств, стоит только поискать. Мне было жаль, что мой хозяин, похоже, этого не понимал. Сидур должен быть другом человека и его постоянным компаньоном. Он дает человеку способ выразить радость и печаль, надежды и разочарования. Кто знает, как надо молиться, всегда обращается к Б-гу с Сидуром в руках и, если дух его подавлен, то находит в его словах утешение и успокоение. А кто желает выразить благодарность Б-гу тоже может найти подходящие слова и обрести близость к Нему.

Шли годы, и мой хозяин все реже и реже приходил в синагогу, в конце он почти совсем перестал появляться. Я остался совсем один и не знал, что происходит. Затем в один прекрасный день меня вынули из ящика, и оказалось, что меня держит его сын Ицхак.

Теперь он был взрослым, но выглядел очень печальным, и открыл меня на странице, где напечатан Кадиш. Я понял, что больше никогда не увижу своего хозяина. Ицхак прошел со мной в переднюю часть синагоги и очень тихо и печально произнес Кадиш. Затем он прошел несколько нетвердыми шагами обратно на свое место.

И я задумался тогда о том, что Кадиш — это молитва человека в трауре, но в ней ни слова не говорится о смерти и трауре, а только возносится хвала Б-гу. ХаШем дает

РАССКАЗ СТАРОГО СИДУРА

человеку жизнь, а потом берет обратно, и когда Он вызывает душу обратно к себе, то она должна починиться и вернуться. Когда у человека умирает отец или мать, горюющий сын встает в синагоге и воздает хвалу Создателю, Который дает и берет жизнь, и община отвечает «Амен».

И тогда отец или мать в Небесах обретают радость в сыне.

Ицхак приходил в синагогу каждый день. Затем в один прекрасный день я увидел, что он вынимает все книги из ящика, в котором я лежал. Там было много Сидуров и Махзоров, и Хумашей, и старый Талит. Он унес большинство из них и оставил меня с несколькими другими старыми Сидурами. В тот летний день я слышал, как он прощался со своими соседями, и как говорили о далеком путешествии в Америку. Я обрадовался, думая, что поеду так далеко. Я никогда раньше не бывал на море и предвкушал новые впечатления.

Но, произнеся в тот день Кадиш, Ицхак подержал меня немного в руках, с любовью полистал страницы и сказал: «Ты очень стар. Я не могу взять тебя с собой. По тебе я научился читать. С тобой в руках произнес Кадиш по отцу. Быть может, мне надо было лучше по тебе молиться, более вдумчиво, и отныне я буду стараться. Но далекое путешествие ты не перенесешь, поэтому я оставлю тебя здесь, и по тебе будут молиться другие».

Он поцеловал меня, положил обратно на мое место в ящике и вышел.

Время шло, и никто мной не интересовался, пока однажды я вдруг не оказался в руках какого-то незнакомого молодого человека. Был вечер праздника Йом Кипур, молитвы Коль Нидрей, и этот молодой человек, которого звали Дов, приходил в синагогу только по таким, особым случаям. Похоже, что я ему не нравился. Он положил меня рядом с новым Махзором с позолоченными краями, и в сравнении с ним я выглядел плохо. Дов показал меня управляющему синагоги, и тот удивился: «Кажется, его забыл здесь Ицхак. Если хочешь, можешь его взять».

Я знал, что на самом деле Ицхак меня не забыл, а оставил, чтобы не трепать в долгом путешествии. Он думал, что я найду себе новых друзей. И в этом он ошибся. Он не осознавал, каким я уже был старым и истрепанным. А так устроен свет, что все, что стареет и изнашивается, должно уступить место молодому и свежему.

По окончанию Йом Кипура Дов завернул меня в бумагу и взял к себе домой.

Несколько дней я провел в полном одиночестве. Затем он дал меня своему кузену Нафтали, гостю из заграницы, которому был нужен маленький Сидур. «Вот, — сказал он, — возьми этот. Управляющий синагоги разрешил мне его взять, и я даю его тебе». Так, я все-таки отправился в путешествие.

РАССКАЗ СТАРОГО СИДУРА

Нафтали я понравился, ибо в новом переплете ко мне была приложена вся Книга Теҳилим, и каждый день он читал по мне главы того дня.

Не знаю почему, но я не очень был впечатлен этим чтением Теҳилим. В нем не хватало души, создавалось впечатление, что Нафтали просто хотел отделаться от необходимого каждый день чтения, чтобы больше о нем не беспокоиться. Моя новая сестра — так я теперь относился к Книге Теҳилим, после того, как ее вставили в мой переплет, — тоже была недовольна чтением Нафтали. Мы оба чувствовали, что было бы гораздо лучше, если бы он читал только несколько глав с выражением, чем проглатывал столько страниц без особого вдохновения. По-нашему мнению, Нафтали не понимал содержание прочитанного. Ну, наверное, что-нибудь да было хорошее в том, что он проходил через эту формальность каждый день.

Мой новый хозяин был интересным человеком, очень деловым. Он старался использовать с толком каждую секунду пребывания в синагоге. Помимо своих чтений Теҳилим, во время повторения ведущим Шмоне Эсре он просматривал недельную главу с Раши, Мишну того дня, а также быстро прочитывал Перек Шира. И, конечно, он давал милостыню каждый раз, когда ее кто-то собирал. И тем не менее, несмотря на всю эту занятость, как только заканчивалась молитва Шахарит, он всегда умудрялся быть первым на выходе! Проблема была в том, что он был очень занят исполнением заповедей, но на самом-то деле он совсем не молился. Очень жаль, он просто никогда по-настоящему не понял значения молитвы. Не думаю, что он понимал, что великие раввины, которые составили мои молитвы, досконально все продумали, и что в их святом деле им помогал Сам ХаШем. Но Нафтали бросал свои молитвы, как кочегар кидает уголь в топку. И его сын Мендель все это видел. Он, конечно, многому научился у отца, но боюсь, что не молитве. После такой сверхзанятости я почувствовал облегчение, когда в конце Нафтали купил себе другой Сидур, а меня положил на дно своего ящика в синагоге, наверное, в качестве запасного. Новый Сидур был красавцем. С кожаным переплетом. И у него было еще больше всевозможных приложений, которые, по мнению Нафтали, надо было прочитывать каждый день — в рамках того же ограниченного времени, отведенного для молитвы Шахарит.

Однажды в синагогу была доставлена новая мебель. Меня грубо достали из ящика и положили в стопку с другими Сидурами, Книгами Теҳилим и ненужными Талитами.

Долго я дремал в темном углу, пока не был разбужен рукой, которая не знала жалости. Меня бросили в другую комнату, на чердаке дома, в кучу хлама. Я был оглушен падением, и только со временем пришел в себя.

На чердаке царил тишина. Изредка я слышал чьи-то шаги, но никто никогда не останавливался и не открывал дверь. Меня покрыл слой пыли. По мне ползали пауки. Пришло лето, потом прошло, и наступила зима, а там пошли и годы. А я лежал и

РАССКАЗ СТАРОГО СИДУРА

лежал, и никто за мной не приходил. Потом в один прекрасный день я услышал, как ты бегал и смеялся. Я увидел, как ты роешься в хламе и понадеялся, что ты найдешь меня и вынесешь на божий свет. И сегодня ты меня нашел. И ты меня не отбросил. Ты взял меня, чтобы показать маме, и поцеловал.

Ты хороший мальчик, это видно по тому, как хорошо ты со мной обращаешься. Оставайся таким. Будь добрым. Всегда будь добр к родителям, братьям и сестрам, и ко всем, и тогда все будут тебя любить.

У меня есть только одно, последнее пожелание. Похорони меня. Когда человек стареет, устает от жизни и умирает, его хоронят в земле, чтобы там он спал спокойно. Я не человек, но я друг человека. Я состарился и истрепался, и я тоже хочу спать в земле».

Изношенные и рваные страницы вновь прошелестели, мягко и печально, и затихли.

Биньямин взял Сидур в сад. Он выкопал небольшую яму, еще раз поцеловал Сидур и положил его в могилку. Он накрыл его зеленым мхом и сделал отметку, чтобы помнить, где он его похоронил. А когда на могилку пали солнечные лучи, он обрадовался, ибо старый Сидур любил солнечный свет.

С тех пор прошло много лет. Биньямин вырос, многое повидал и многому научился. Но он не забыл рассказ, который поведал ему старый Сидур.

O. Y. Baddiel

О. И. Баддиль

London, England

Лондон, Англия

Translated from the English by Rabbi Meir Moutchnik, to whom many thanks.

Перевод с английского Меира Мучника, которому выражается благодарность.